

VIII 1977

7

2

0

TY 19-32-73

6

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—672

Ю. Пинясов

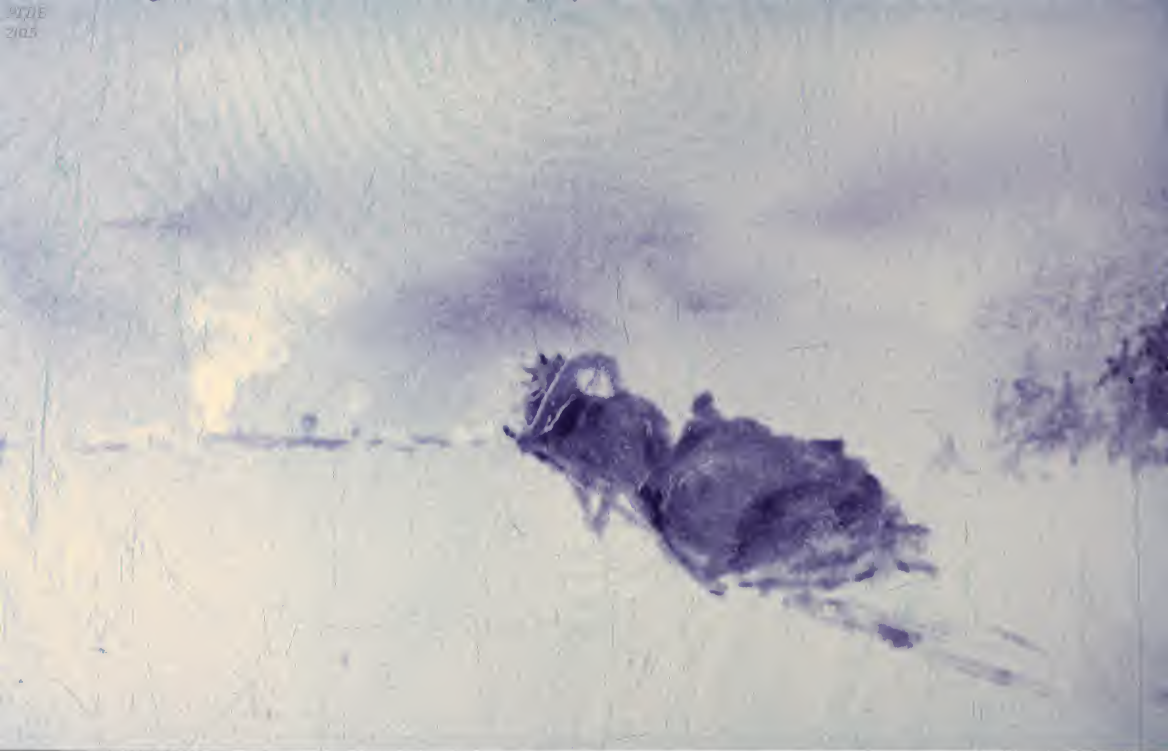
В ЗИМНЮЮ СТУЖУ

ХУДОЖНИК
В.ТУРЕНКО

Морозы были такие, что воробьи на лету замерзали. Вблизи печных труб, под застрехами ещё спасались, а как взлетят, расправив крылышки, так и падают ледяными комочками. 2

И вот в такую стужу убежал батрачонок Лёнька в Москву. Его хозяин, Федулов, повёз на станцию паклю продавать, а Лёнька запрятался внутри воза и так доехал до станции. [3]

А там незаметно выбрался из воза, встряхнулся, как воробей, и нырнул в вокзал. 4

Проскочил среди людей, ожидающих поезда, спрятался под лавку и стал ждать, когда паровоз свистнет.

Вдруг приходит железнодорожник и говорит: „Помогите, граждане, дрова для Москвы погрузить. Охолодала белокаменная. Организовали мы субботник, да маловато нас...“

Первым отозвался старик с большой бородой: „Помочь можно. Пошли, ребятушни, разомнёмся“.—За стариком поднялись и другие. Вылез и Лёнька из-под лавки.

Все встали в цепочку от поленницы к вагонам и начали дрова с рук на руки перекидывать и в вагоны подавать. А старик работал да приговаривал: „Давай не зевай, тепло не в дровах, а в руках“.

Когда все вагоны наполнились, старик заметил в стороне ещё один порожний и в него предложил накидать: ничего, мол, в такие морозы лишний вагон тепла Москве не помешает.

Подошёл паровоз, прицепил товарные вагоны, подкатил их к пассажирским, и получился товаро-пассажирский поезд. Вот-вот тронется он. Старик ловко влез в последний вагон. За ним Лёнька.

Забрались на дрова да разговаривают.—„Я у Федулова, кулана, в приёмышах был,—рассказывает Лёнька.—Он меня сделать наследником сулил, а сам бил чем ни попадя. И сейчас на голове шишки.

И вот я надумал: поеду к Ленину! Ленин трудовых ребят любит. Я к нему не с пустыми руками, вот!—Лёнька достал из-за пазухи человечков, сделанных им из еловых шишек.—„Я что хошь буду делать Ленину. И воду носить, и печи топить...”

—Постой, постой,—смеётся старик.—А мне-то какие дела оставишь? Разве сказки наши, мордовские, рассказывать? Это я могу. Про меня в деревне так и говорили: „Идёт дед Аним, да мешок сказок с ним“.

А что? Возьму и расскажу Ленину сказку. Про то, как Буртас-богатырь пахарем стал да как он в лесу соху сыскал, не знаешь?

Увидел Буртас, как русские мужики землю пахут, и сам решил землю пахать. Дело-то вроде простое...

Поймал он в лесу лося, перевернул его вниз рогами, и получилась соха. Лось ревёт, а он его рогами дернину дерёт.

Услыхали русские, прибежали, видят такое чудо. „Ну, Буртас, ты хитрее нас. У нас соха лубяная, а у тебя костяная!“ Так с тех пор и называются лося — „сохатыми“.

Посмеялся Лёнька: „Проста больно сказна“.—„Проста?—хитро прищурился старик.—Да ведь рассказывать-то я её буду со значением! Я еду не сам по себе, меня колхозная артель послала к Ленину за плугами, пахать нечем...

Так вот, снажу, Владимир Ильич, устарели наши сказки, по-
давай нам другие. А лучше всех нам по душе ваша сказка
про стального коня. Это я ему наменку на трактор...

Задумается Ленин, откуда взять для нашей артели трактор, а я ему и наемну: „Трактору на наших лесных полянах пока тесно будет, а вот насчет плужков железных с острыми лемехами уж похлопочите!“

Посмеётся Ленин нашему хитрому запросу, позвонит на за-
воды, и вернусь я в Мордовию с железными плугами, полов-
чей Буртаса буду“.

Так они и ехали, не замечая за разговорами, как время летит. Всё обговорили, обдумали. Решили и в Москве держаться вместе и во всём друг другу помогать: стучаться-то всё равно в одну дверь!

Вот и Москва. Остановился поезд у Назанского вокзала. Дед Аним приоткрыл дверь и говорит: „Слезем-ка мы на другую сторону“.

Но не успел старик, тулуп его длинный за берёзовые сучки зацепился, а железнодорожные контролёры тут как тут: „Эге, да вы, граждане, зайцы? А вот мы с вас штраф!“

— „Воля ваша, — отвечает дед Аним. — Только ведь у меня деньги не свои, общественные, мы ходоки“. — „Н Ленину мы!“ — крикнул Лёнька.

— „И вы, значит, к Ленину?—вдруг понурились почему-то железнодорожники.— Ну, тогда извиняемся“. — „Это как понять?“ — насторожился дед Аним.— „Да разве вы не знаете? Скончался Владимир Ильич“.

Услышав такие слова, дед Аним медленно снял шапку. А Лёнька глотнул ртом воздух и заплакал. Железнодорожники отвернулись. Видно, уж были не в силах никого утешать. 27

—Опоздали мы,—сказал старик и пошёл по перрону, забыв надеть шапку. Пошёл и Лёнька, а ноги подкашивались. Куда они пошли, зачем пошли? Ведь никому не нужны были теперь ни Лёнькины игрушки, ни стариновы сказки...

Народ шёл, и они шли. И так пришли на большую площадь, покрытую снегом, как поле. По этому полю потянулись необозримые, нескончаемые чёрные очереди.

Люди медленно шли, тесня друг друга, в большой дом с каменными столбами, увитыми чёрной и красной материей. Там внутри стоял гроб с телом Ленина. Люди шли прощаться с Ильичём.

Дед Аним и Лёнька нашли конец очереди в переулке и молча встали. Вскоре и за ними вытянулся длинный хвост.

А мороз в Москве был лютый. Среди площади горело несколько костров, у которых можно было отогреться. Но было их мало, и горели они не жарко: дрова были сыроваты, да и не хватало их.

Дед Аним топтался у костра и никак не мог отогреться, даром что был в тулупе. Ностёр больше дымил, чем горел. И вдруг старик вспомнил: „А ведь мы с теплом приехали!“

— Вот что, — сказал он Лёньке и показал на красноармейцев, наблюдавших порядок на площади. — Пойдём-ка к ним, расскажем про наш вагон. Может, они что придумают...

Подбежали они к красноармейцам, рассказали, что на вокзале стоит вагон, полный сухих берёзовых поленьев. Командир расспросил, как найти этот вагон, потом он дал команду бойцам...

...и вскоре на площадь прикатили грузовики, нагружённые доверху. Они проехали вдоль очереди, красноармейцы скинули дрова,

и на площади, по переулкам и улицам запылало много-много костров, пламенных, горячих. Люди подбегали, отогревались и снова шли в очередь.

Дед Аким и Лёнька тоже немного оттаяли, хлопача у костров. Помогая людям, они не забывали про своё горе, но им становилось легче.

Ну, а что было дальше? Дед Аким всё-таки нашёл завод, изготавливавший плуги, поделился своей заботой с рабочими.

Выполнили московские рабочие заказ мордовских колхозников, послали в Мордовию 25 отличных стальных плугов.

А Лёньку в тот далёкий суровый год взяла в приёмышы крестьянская артель деда Анима. Узнав его историю, прозвали его колхозники внучонком Ильича.

Много потрудившись, он и теперь живёт всем добрым людям на пользу: ведаёт колхозным пчельником. Я там был, чай с мёдом пил и то, что от старика узнал, вам и рассказал.

К О Н Е Ц

Сценарий В. Савченко

Редактор Г. Витухновская

Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1971 г.

Москва, 101000, Старосадский пер., д. № 7

Цветной О-30

Д-007-72